

Глава 1

Я — свидетель. Когда я пришла к этому выводу, мне стало немного легче. Все же свидетель — это не виновник происшествия. Хотя если послушать моего мужа Игоря, получается, что я вроде как косвенно причастна к тому, что происходит с моими близкими людьми. Наше окружение включает и нас самих. А мы несем на себе печать своего окружения.

Мое окружение — это бабушка Кира, отец с матерью, тридцатипятилетняя разведенная тетя, пятнадцатилетний племянник Кирюша с психиатрическим диагнозом, подруга Ксюша со своей мамой, которых Игорь считает малахольными, оба Ксюшины мужа — бывший и нынешний, а также все друзья родительского дома, которых я не могу не причислить к своему окружению, поскольку росла с ними бок о бок и они влияли на меня и на мою жизнь. К моему окружению нельзя не отнести коллег-учителей и учеников. В прошлом учебном году это были сплошь умницы лицеисты, ухоженные и порой слишком избалованные; в этом учебном году — интернатские разболтанные дети — матерщинники, не понимающие нормальных слов... А я — свидетель. Клянусь, я вхожу в их жизни произвольно, порой — не при-

кладывая к этому никаких усилий, и становлюсь участником событий, в которых участвовать совсем не хотела! А муж утверждает, что я вляпываюсь в них по собственной инициативе. Одно я знаю точно — невзирая на то что мне пришлось пережить в этот непростой год, я не перестала любить свой маленький мир и, надеюсь, благодаря происшедшему с нами даже стала немного мудрее.

Началось все с того, что Игорь отказался ехать на юбилей Киры. Ей исполнилось 65, она по-прежнему преподавала в университете историю, имела ясную голову и могла бы командовать армией, но приходилось сужать руководящие способности до рамок семьи. Точнее, своего окружения, поскольку под широко распахнутое крыло чадолюбивой Киры попали и ее бывший ученик Рома Горин вместе с женой и дочкой, а также подруга дочери, для меня — тетя Таня, мамина подруга и одновременно мать моей подруги Ксюши. И еще... Впрочем, это не столь важно.

Итак, я ходила по квартире, пытаюсь придумать аргументы. Игорь сидел ко мне спиной, уткнувшись носом в жидкокристаллический монитор компьютера, и делал вид, что не замечает моего волнения. Компьютер — вечное прибежище Игоря в наших семейных разногласиях. Наверное, поэтому я терпеть не могу компьютеры.

Наша двухкомнатная хрущевка давила на меня потолками и стенами. Разбежаться-то особо было некуда, и я ходила от шкафа до окна, заодно собирая разбросанные дочкой игрушки.

— Мы не можем испортить бабушке праздник! — воскликнула я, с мольбой уставившись в затылок Игоря. — Она ждет, она готовится... Все приедут, а семья внучки — нет. Как такое можно представить, Игорь?

Иногда мне кажется, что за компьютером он становится на время глухим. Но даже таким я не перестаю любить мужа. Его стриженный затылок, его бескровные уши, прижатые к голове, его плечи — острые и неровные, без покатостей. Плечи, пожалуй, лучше всего остального выражают характер моего мужа. Они подчеркивают его скрытое упрямство, которое выходит наружу всегда неожиданно. Так, что даже теряешься.

— Я же не настаиваю, чтобы ты не ехала. Забирай Иришку, поезжайте с Черновыми. А за меня извинись, скажи, что комиссия.

Черновы — это Ксюша и ее новый муж Вадик. Значит, все явятся на праздник семьями, а я — с Черновыми. Как сирота какая!

У меня даже слезы подступили к глазам. Я говорить не могла, а он решил, что я обдумываю вариант поездки с Черновыми.

Я знала, что в любом случае поеду. Я люблю Киру, люблю своих родителей, тетку, племянника, Ксюшину мать тетю Таню. И бизнесменов Гориных люблю, несмотря на то что они немножко снобы. Даже их избалованную дочку Нику люблю. Я выросла в большом шумном доме, и теперь мне его не хватает! Он входит для меня в понятие «семья». А для Игоря семья — это он, я и наша дочь Иришка. Все.

— Нет у тебя никакой комиссии! — наконец буркнула я. — Просто ты — сыч. Сидел бы в уголке со своим компьютером. А общаться с людьми ты не любишь.

— Светик, солнце мое! — Муж крутнулся на одноногом стульчике и остановился прямо напротив меня. На лице его блуждала улыбка, но сквозь эту улыбку так и сочилось упрямство, которое выражала спина. — Я наобщался с Кирой Георгиевной — во! — Он провел ребром ладони по горлу. — Досыта наобщался, пока мы жили в ее доме «большой дружной семьей». Теперь мне требуется период реабилитации.

Я растерялась. Как-то привыкла, что с Кирой все считаются, все уважают ее и слушаются. Конечно, она любит покомандовать. Мы с мамой и мамина сестра Лена напрочь лишены этой Кириной власти, ибо все забрала она одна. Это ведь не мое наблюдение, что у властной матери, как правило, дети — амебы.

Мне представляется, что на семью дается сундук качеств. Если один берет из этого сундука себе слишком много, то другим не достается.

Кто бы возражал! Можно представить, что было бы, перейми мы все трое качества Киры. Клубок лидеров. Террариум единомышленников. Одного командира вполне достаточно. Даже папа относится к этому снисходительно. На моей памяти не было ни одной ссоры папы с тещей. У нас вообще достаточно дружная семья, с вылазками на природу, с лыжными прогулками, с рыбалками и походами за грибами. Всем этим руководит бабушка Кира, а остальные весело участвуют.

Поступок Игоря — первый бунт на корабле. Я заранее почувствовала себя виноватой перед Кирой.

— Хочешь, я с Иришкой останусь? — Игорь прищурился и наклонил голову. — А ты поезжай одна. Развеешься, отдохнешь от нас...

Когда он так вот прищуривается и наклоняется, у меня внутри что-то обрывается и начинает таять как воск. Я совершенно не могу с ним спорить в такие моменты. Похоже, он это раскусил.

— Ты знаешь, Светлячок, как я устал от учителей... — Он осторожно подкатывал ко мне на своем компьютерном кресле. — Бабушка профессор, теща завуч...

— Жена учительница, — подсказала я.

Игорь подкатил к самым моим ногам и, прежде чем я успела отскочить за диван, уцепил меня за пояс бриджей.

— Жена учительница, — согласился он. — Учит и учит, учит и учит...

Я была у него на руках, и мы вместе крутились вокруг своей оси. Я дышала его запахом... Я так люблю его запах, что иногда потихоньку пользуюсь его туалетной водой. Он об этом даже не догадывается.

— Игорь, давай я не буду учительницей. Правда. Давай я уволюсь и буду сидеть дома с Иришкой.

— Опять двадцать пять!

Игорь попытался мотнуть головой, но я крепко держала его за уши.

— Игорь, я не могу больше работать в интернате, честное слово! Эти дети пьют мою кровь! У меня не остается сил на собственного ребенка!

— Тебе всегда нравилась твоя работа. — Игорь накрыл мои ладони своими и попытался убрать их с ушей. Я держалась крепко.

— Конечно! Я работала в лицее. Там такие дети!

— Дети как дети...

— Ничего подобного! В лицее совсем другие дети. Чистые, ухоженные, умненькие.

— Этих отмой, будет такие же.

Когда он так говорит, меня охватывает отчаяние. Меня не понимает собственный муж! Я одинока! Мне не к кому голову приклонить!

Да он просто не представляет, что я вынуждена терпеть в интернате.

Я поднялась и ушла на диван. В глазах моих стояли слезы. Игорь с улыбкой смотрел на меня. Даже не глядя в его сторону, я чувствовала нежность в его улыбке. Все-таки он тоже во мне что-то находит. Он говорит, что я похожа на Джулию Робертс. Я часто перед зеркалом пытаюсь отыскать сходство и пока нахожу его только в губах. У меня такой же большой и нескладный рот, как у нее. Если губы не накрашены, кажется, будто я только что плакала. Ксюшка же считает, что губы мои выглядят как у школьницы, которая весь вечер целовалась в подъезде. Не знаю, что уж в этом хорошего, но что-то порочное имеется точно. Поэтому я немного стесняюсь своих губ.

— Свет... — Игорь поднялся, потянулся и хрустнул суставами. — Ну нет здесь в поселке выбора. И это место с трудом нашли. Ты уж потерпи, котенок... На мою зарплату мы пока не проживем.

Я отвернулась и быстро промокнула слезы рукавом футболки — в дверях стояла Иришка с трубкой радиотелефона в руках.

— Кто звонит? — спросил Игорь.

Дочь хитро улыбнулась и склонила набок голову, точь-в-точь как это делает отец. И протянула ему трубку. Игорь послушал и передал мне:

— Тебя. Ксюха.

По приглушенному голосу подруги я сразу поняла: случилось что-то из ряда вон выходящее. Мне даже показалось, что она зубами стучит, будто замерзла.

— Пожжалуйста, Свет, приди ко мне прямо сейчас! — умоляла она. — Я тебя очень прошу!

Я беспомощно оглянулась на часы — половина одиннадцатого, Иришке давно пора спать.

— Ксюш, поздно уже, — ответила я больше для Игоря. — Что стряслось?

Я знала, что не смогу ей отказать. Не каждый день она говорит по телефону таким голосом.

— Если ты не придешь, — проклацала зубами Ксюша, — то завтра найдешь вместо меня холодный труп.

Я еще некоторое время молча слушала гудки. Игорь смотрел на меня. Я в недоумении пожала плечами:

— Я добегу до Черновых? Что-то у Ксюшки стряслось. Уложишь Иришку?

— А ну-ка спать! — скомандовал он и для пущей убедительности похлопал в ладоши вслед убегавшей дочери. Ее как ветром сдуло. Наша дочь не любит укладываться.

Вот в чем нельзя упрекнуть мужа, так это в придирчивости или ревности. Надо — иди. Он и с ребенком останется, и докапываться не станет — куда, чего, зачем...

Одеваясь, я раздумывала, что могло стрястись у Ксюхи. Конечно, ей свойственно все немного преувеличивать. Она слишком эмоциональна и из всего городит огород. Кажется, она сама от своих эмоций устает.

Заглянув в комнату дочери, я увидела полный погром. Иришка сидела на полу среди беспорядочной кучи, состоявшей из ярких частей конструктора, мозаики и пластиковых карточек развивающей игры «Ожидание». Среди этого живописного хаоса моя четырехлетняя дочь чувствовала себя вполне комфортно. Она увлеченно выдирала из головы многострадальной пластмассовой куклы Тани последние волосы.

— Ира!

Дочь уставилась на меня жгуче-карими глазенками в обрамлении густых темных ресниц и жестом показала, чем она занимается. Расческу протянула и куклу.

— Тане волосики расчесываешь? — уточнила я и присела рядом с ней. — Скажи: «Та-ня!»

Дочка прижала куклу к груди и хитро улыбнулась.

— Скажи, малыш: «Та-ня».

Дочка мотнула головой и отвернулась.

— Ну, тогда скажи маме: «Пока».

Иришка, не взглянув в мою сторону, механически сделала ладошкой «пока».

Я намотала на шею шарф и закрыла за собой дверь.

«Ожидание». Надо же было так назвать развивающую игру для детей от трех до пяти. С намеком. Будто этот инженер-конструктор и впрямь знал, что испытывает мать, играя в нее со своим ребенком.

«Ожидание»... Точнее и не придумаешь. Игра нацелена на развитие мелкой моторики, точнее — пальцев. Потому что, как выяснили ученые, развитие пальцев напрямую связано с развитием речи. Когда ребенок в четыре года не говорит, вся надежда на пальцы. Вот и развиваем мы эти пальцы, вот и складываем эти бесконечные мозаики, пазлы, лото и конструкторы.

Специальный детский сад. Бесконечные упражнения, массаж, непрекращающиеся занятия и постоянное чувство вины. Что-то недодаешь своему ребенку, могла бы делать больше. Отдать все время, все силы, все возможности, все средства, только бы услышать от нее первое слово, произнесенное внятно и осмысленно. Любое слово.

У детей в моем классе самое расхожее выражение «на х...».

Вова Ширяев вставляет это словосочетание повсюду:

— Я, Светлан Николан, не выучил на х... эту долбаную таблицу умножения на х... Трудная на х... собака, на х...

Когда я впервые услышала Вову, то покраснела до корней волос. А те, в свою очередь, встали дыбом. Но что самое любопытное — слова Вовы произвели впечатление на меня одну. Ребята в классе

как занимались своими делами, так и продолжали. А вот когда заметили, как я краснею, захихикали и загоготали. Мальчики просто на парты попадали. Я пол-урока их потом успокаивала. Когда после в учительской я обратилась по этому поводу к завучу, она только плечами пожала:

— Ну а что вы хотите, милая Светлана Николаевна? Это вам не частный лицей, а государственный интернат. Скажите еще спасибо, что наряду с брошенными, социально запущенными детками у нас учатся все же и домашние. Пусть небольшой процент, но...

— Спасибо.

Ожидание... Я ждала от своей дочки любого слова, пусть хоть матерного! Но время шло, а слова этого все не было... Иришка упорно молчала.

Наш поселок, примыкающий к большому областному городу, образовался когда-то вокруг завода. Теперь же разросся и разделился на два микрорайона. По одну сторону трассы, там, где живем мы, — Простоквашино — так неофициально зовется спальный массив безликих хрущевок, унылых и облезлых. По другую сторону — Поле Чудес — коттеджный элитный поселок, где живут Горины и Черновы. Обитатели Поля Чудес гордятся тем, что живут за городом, почти в лесном массиве. И они правы, поскольку сразу за одинаковыми кирпично-чугунными оградами поселка начинается хвойный лес с лосьями и белками. Обитатели Простоквашки, живущие буквально через дорогу, стесняются называть свой район, поскольку он самый непрестижный в городе,

добираться до центра приходится с двумя пересадками. И горе тому, кто живет в Простоквашке, а работает или учится в центре города.

Все относительно в этом мире, и жизнь переворачивается буквально с ног на голову, стоит перейти дорогу...

Я прошла мимо темной школы, пересекла стадион и оказалась на трассе. От будки гаишника открылся прекрасный вид на расцвеченный новогодней иллюминацией поселок. Кусты вокруг коттеджей, увитые специальной сеткой с лампочками, создавали атмосферу праздника. Коттеджи весело светились многочисленными окнами и звали, манили в свой уютный комфортный рай.

Каждый двухэтажный коттедж рассчитан на три семьи и выстроен как бы змейкой. Все семьи имеют отдельный вход, гараж и свои клумбы под окнами. Когда я прохожу мимо этих сказочных миров, то невольно заглядываю за ограду. Во дворе крайнего коттеджа почти всегда гуляет молодая мама или же няня с ребенком, а из окна на них смотрит породистая собака соседей. И эта картинка заставляет внутри у меня что-то сжиматься и замирать. Я завидую...

Ксюшкин дом, третий по улице, ничем не отличается от остальных. В коттедже, кроме Гориных и Черновых, живет еще одна семья, как раз посередине. И я всегда, приходя в гости к подруге, вижу в окошке мансарды аккуратненькую седую головку старушки. Такое ощущение, что она вечно сидит у окна, как у телевизора. И так приятно, что с молодыми вместе живет бабушка. Впрочем, в тот вечер,